

АЛЕКСАНДР МИШУРА*

ПРИНЦИП НЕДОВЕРИЯ ПОМЫСЛАМ**

Аннотация: Статья посвящена обоснованию принципа недоверия помыслам (ПНП), согласно которому агент может морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторого убеждения, если у него есть достаточные основания считать, что данное убеждение приведет его к морально порочному поступку. Методология работы опирается на ряд идей Л. Витгенштейна, опубликованных посмертно в работе «О достоверности». В первой части статьи предлагается общее описание соответствующих идей Витгенштейна, которое позволяет сузить область обоснования ПНП до конкретной системы убеждений, а именно системы убеждений православного христианства. Во второй части статьи кратко иллюстрируется многозначность слова «помысел» в русскоязычном переводе Библии, и предлагается интерпретация релевантного для ПНП смысла данного понятия с помощью словаря аналитической философии. В третьей части статьи описывается набор базовых убеждений, которые позволяют обосновать значимость ПНП в системе убеждений православного христианства: убеждение в существовании Бога и ангелов, убеждение в греховной поврежденности когнитивных механизмов человека, убеждение в наличии страстей, убеждение в существовании злых духов. Каждое из данных убеждений связывается с обосновываемым принципом и раскрывается в его контексте. В четвертой части обосновывается практическая значимость ПНП в описанной системе убеждений, демонстрируется преимущество ПНП над принципом, согласно которому игнорирование свидетельств в пользу истинности некоторого убеждения никогда не может быть оправдано. В пятой части приводится мысленный эксперимент о добрых и злых нейроученых, иллюстрирующий значение ПНП в рамках натуралистического мировоззрения.

Ключевые слова: этика веры, вера, убеждение, помыслы, эпистемология, православие.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.

ВВЕДЕНИЕ

Все люди от природы стремятся *знать*. Как и все прочие благие устремления, стремление знать может вести ко злу. Или не может? Если человек начнет гоняться за прохожими со скальпелем, мотивируя свое поведение желанием узнать человеческую анатомию, мы, скорее всего, сочтем его безумным, а если он кого-то ранит, то, возможно, и злодеем. Стремление знать или то, что маскируется под стремлением знать, может вести ко злу. Напротив, уклонение от возможности что-то узнать может быть вполне добродетельным делом.

*Мишура Александр Сергеевич, к. филос. н., преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), alex.mishura@gmail.com.

**© Мишура, А. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

В данной работе мы постараемся раскрыть и обосновать более частный тезис, который, однако, подчеркивает опасность частичного отождествления эпистемических норм и норм моральных, или даже утверждения безусловного приоритета эпистемических норм над нормами моральными¹. Как мы постараемся показать, иногда тщательная оценка свидетельств в пользу некоторой мысли, анализ этой мысли, принятие ее в качестве убеждения, даже внимание к ней могут быть несколько не оправданны с моральной точки зрения и даже ошибочны, несмотря на *истинность*² данной мысли и эпистемические достоинства процедуры обращения с ней. В более формальном и громоздком виде обосновываемый в статье принцип выглядит следующим образом:

Принцип недоверия помыслам (ПНП): для агента *S* может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции *P* и мысли о *P* вообще, если у него имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения *B*, что *P* имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка, даже если *P* действительно является истинной пропозицией.

Слово помысел употреблено в названии принципа не случайно. Как будет показано в первой части работы, всякий принцип приобретает свой смысл и значение только в рамках конкретной системы убеждений. Объектом нашего интереса будет система убеждений характерная для православного христианства. Тем не менее, мы постараемся показать, что

¹Разграничение эпистемических и моральных норм само по себе представляет трудность, поскольку эпистемические нормы, по крайней мере, имплицитно могут претендовать на моральное значение, и, конечно, стремление к знанию может иметь этический характер. Так, во втором предложении статьи мы говорим о *благом* стремлении к знанию. Однако отказ проводить различие между нормами эпистемическими и нормами моральными не менее опасен, поскольку он не позволяет увидеть возможность противоречия между двумя видами норм. В максимально схематичной форме, эпистемические нормы указывают пути приобретения знания, а моральные нормы указывают пути совершения морально оправданных поступков (для этики добродетели можно вести дополнительные уточнения). Обнаружить коллизию этих норм можно в тех случаях, когда императив приобретения знания вступает в противоречие с моральным императивом. Например, когда приобретение знания необходимо требует аморальных средств или когда морально правильный поступок требует отказа от получения знания. Такого рода коллизия и является предметом рассмотрения в данной статье.

²Истинность убеждения здесь понимается в контексте классической теории истины как соответствие действительности, фактическое наличие тех условий, при которых пропозициональное содержание убеждения истинно.

убеждения, на которых основана значимость данного принципа имеют параллели и в натуралистической системе убеждений, не включающей убеждений в существовании духовной реальности (см. часть 3), а сам принцип может быть полезен всякому человеку, имеющему достаточно содержательное представление о собственном характере (см. часть 4).

Отметим, что отстаиваемый нами принцип не является чем-то тривиальным. Напротив, он противоречит другому принципу, который сформулировал Питер Ван Инваген по мотивам статьи У. Клиффорда «Этика убеждений»³ (Clifford, 1877):

Всегда, везде и для всех ошибочно игнорировать свидетельства, которые значимы для принятия убеждений или легкомысленно отвергать такие свидетельства (Van Inwagen, 1996: 145).

С нашей точки зрения, принцип, сформулированный Ван Инвагеном ошибочен⁴. Разное знание человеку доступно, но не всякое знание ему полезно. В некоторых случаях, хорошо и правильно уклониться от возможности узнать нечто. Именно эта позиция будет обосновываться в данной работе.

Статья разделена на пять частей. В первой части будет кратко описана методология и уточнена цель исследования. Во второй части мы определим содержание понятия «помысел». В третьей части будет описана система убеждений, в контексте которой ПНП приобретает свою значимость⁵. В четвертой части обосновывается значимость ПНП и ошибочность принципа, сформулированного П. Ван Инвагеном, в контексте ранее описанной системы убеждений. В пятой части описывается мысленный эксперимент, иллюстрирующий значение ПНП в рамках натуралистического мировоззрения.

³Отметим, что ПНП не противоречит знаменитому «принципу Клиффорда», говорящему о необходимости достаточных оснований для всякого принимаемого убеждения.

⁴Разумеется, ПНП противоречит той части этого принципа, которая идет до слова «или» и включает термин «игнорировать» (ignore), поскольку ПНП не предлагает *легкомысленно* отвергать свидетельства, но позволяет их игнорировать при наличии достаточных оснований для этого.

⁵Под значимостью мы понимаем действительность принципа, его практическую необходимость в качестве нормы действия, позволяющей избегать дурных поступков. Без этого принципа некоторые формы порочных действий не могут быть тематизированы. Стоит отметить, что «действие» в данном контексте понимается широко и включает в себя действия в отношении мыслей. Так, отказ от рассмотрения мысли является действием, и сознательное решение рассмотреть ее является действием.

ЖАНРОВЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Несколько слов о жанровой составляющей и дискурсивных особенностях данного текста. Во-первых, перед читателем философский опыт: это не работа богослова, это не историческая работа. Соответственно, мы не ставим перед собой задачу реконструировать чью-либо философскую или богословскую теорию, равно как и задачу создать собственную богословскую теорию. Философская цель работы — обосновать значимость ПНП в рамках конкретной системы убеждений (об этом далее) и — что логически следует из этого — доказать ложность сформулированного П. Ван Инвагеном принципа относительно данной системы убеждений. Во-вторых, данная работа написана в традиции аналитической философии, соответственно мы оперируем терминами именно в контексте данной традиции, если не оговаривается обратного. В-третьих, в ходе работы мы стараемся осуществить перевод между двумя словарями: с одной стороны, словарем православной аскетики, с другой стороны, словарем аналитической философии. Соответственно, в основе работы лежит гипотеза о, по крайней мере, ограниченной взаимопереводимости этих двух словарей. Разумеется, этот перевод не может произойти без потерь. Все эти потери остаются на нашей совести, и мы будем благодарны читателям, которые на них укажут⁶. Ценность такого перевода, с нашей точки зрения, заключается в возможности актуализировать тот взгляд на мир и природу человека, который стоит за ПНП, в рамках, на первый взгляд, совершенно чуждой этому мировоззрению системы понятий.

Методология работы опирается на ряд идей, сформулированных Л. Витгенштейном в черновых заметках, опубликованных после смерти автора учениками Витгенштейна Г. Э. М. Энском и Г. Фон Вригтом под заглавием «О Достоверности» (Витгенштейн, Козлова и Асеев, 1994). Витгенштейн утверждает наличие в каждой системе убеждений необоснованной веры, базовых убеждений⁷ (§253)⁸. Необходимость таких убеждений связана, прежде всего, с двумя обстоятельствами.

⁶Все замечания и комментарии можно присылать на e-mail адреса, указанные в сведениях к настоящему материалу

⁷Далее я использую термины «вера», «безосновная вера» и «базовые убеждения» синонимично, если не указано обратное.

⁸Ссылки даются на параграфы «О Достоверности». Следует отметить, что, поскольку «О Достоверности» представляет собой набор черновых заметок, построение однозначной и целостной интерпретации этих заметок затруднительно. В данной работе мы касаемся лишь общих мест «О Достоверности», не рассматривая проблемы интерпретации этого текста.

Во-первых, в любой системе убеждений имеются некоторые критерии и образцы достоверности, сомнение в данных образцах делает само это сомнение бессмысленным, т. к. без них мы теряем понимание того, что вообще значит быть достоверным. Достоверность всех прочих убеждений устанавливается на основе данных образцов. Глядя на свою руку, я не могу сомневаться в том, что я ее вижу, поскольку если *это* не означает видеть, если это не образец видения, тогда у меня просто нет никаких идей относительно того, что вообще значит видеть, и, следовательно, я не могу сомневаться относительно того, вижу ли я вообще что-либо (§125)⁹. Во-вторых, понятие знания, как показывает Витгенштейн, концептуально (или, в терминологии позднего Витгенштейна, грамматически) предполагает не просто субъективную уверенность, но возможность сказать, *откуда* ты это знаешь, указать обоснование (§550). Однако всякое обоснование рано или поздно доходит до некоторой основы, этой основой является необоснованный образ действий, который, в свою очередь, логически предполагает некоторые убеждения (§110, 204). Так *все* мои действия руками предполагают убеждение в существовании этих рук. Обоснования этих базовых убеждений нет и быть не может, т.к. они (точнее образ действия) обладают большей достоверностью, чем все, что может быть приведено в их обоснование. Соответственно, эти убеждения не являются знаниями (§414), но всякие обоснованные убеждения, в конечном счете, зависят от этих базовых, необоснованных. Таким образом, поскольку в некоторой концептуальной схеме возможно знание, постольку в ней оказывается необходимой вера. Без веры знание и обоснование невозможны как понятия.

Стоит уточнить, что что базовые убеждения, вера, не «принимается» в некотором сознательном акте, но формируется по ходу включения индивида в деятельность, практики, сама возможность которых зависит от этой веры. Соответственно, сомнения в вере ставят под вопрос не просто некоторое психологическое состояние, отношение к пропозиции,

⁹Примеры с руками отражают историко-философский контекст написания «О Достоверности». Многие заметки Витгенштейна касаются знаменитой работы Дж. Э. Мура «Доказательство внешнего мира» (Мур, Борисова и Золкин, 1993), в которой Мур доказывает существование внешнего мира, исходя из знания о существовании собственных рук. Скептически настроенный оппонент Мура стоит перед задачей указать нечто, что может быть достовернее, чем существование собственных рук. Ничто менее достоверное, как предполагается, не будет иметь диалектической силы в споре с Муром, поскольку менее достоверное не может опровергнуть более достоверное.

но саму возможность действий, которые осуществлялись в согласии с базовым убеждением. Так если Иисус Христос не Бог, миллионы людей никогда не делали то, что, как они *знают*¹⁰, они делали. Необоснованная вера может быть уподоблена оси, вокруг которой вращается колесо практик (§152), причем достоверность, субъективная необходимость этой оси, сильна настолько, насколько человек включен в практику. Чем меньше человек делает на основе некоторого убеждения, тем проще ему сомневаться в нем. Более того, невключенность в практики делает базовые убеждения, лежащие в основе этих практик, совершенно непостижимыми.

При этом базовые убеждения не обязаны быть сформулированы, отрефлексированы и сознательно приняты человеком. Напротив, многие из них обнаруживаются только в ходе некоторой специфической рефлексии, диковинного и весьма важного состояния ума (*seltamer und höchst wichtiger Geisteszustand*) (§6), при котором человек начинает задумываться об условиях возможности того, что он делает. Вряд ли мы всерьез оцениваем вероятность убеждения «у меня есть рука», вряд ли мы даже формулировали его, не говоря уже о том, чтобы всерьез «взвешивать доводы» за и против и «оценивать вероятности» альтернатив. Однако недолгое раздумье показывает, что большая часть того, что люди делают, включая научную деятельность, совершенно немыслима, если допустить, что они ошибаются относительно существования собственных рук. Всякое исследование становится бессмысленно, если *здесь* возможна ошибка.

Указанные соображения позволяют нам сузить область исследования. Исходя из выбранной методологии, претензия на *обоснование* универсальной значимости какого-либо принципа, как кажется, теряет свой смысл: невозможно обосновать значимость ПНП для всех систем убеждений, поскольку принципы обоснования сами определяются системами убеждений и обретают свой смысл только в целой системе убеждений (§410). Поскольку обоснование какого-либо принципа требует указания системы убеждений, в которую этот принцип встроен, мы *должны* указать такую систему убеждений. Принцип, который мы будем обосновывать, непосредственно связан с очень конкретной системой убеждений, а именно с убеждениями, характерными для православного

¹⁰Глагол «знать» употреблен здесь в описанном выше смысле знания, как не-базового убеждения, обоснованного согласно критериям обоснования, заложенным в базовые убеждения.

христианства. Соответственно, мы будем обосновать значимость ПНП в контексте системы базовых убеждений православных христиан¹¹.

Однако из сказанного никак не следует, что все системы убеждений равно истинны. Отсутствие обоснования, в рамках данной терминологии, лишает убеждение статуса знания, но не лишает его возможности быть истинным или ложным. Соответственно, среди многих несоизмеримых систем убеждений с разными критериями достоверности и обоснования одна может быть истинной, а другие ложными, если понимать истину в классическом смысле как соответствие действительности. При этом в одних системах в составе базовых убеждений будет присутствовать плюрализм концептуальных схем, а в других, напротив, будет утверждаться единство истины в одной системе убеждений.

Система убеждений православного христианства включает базовое убеждение в полноте собственной истины, тогда как все прочие системы убеждений полагаются в той или иной степени ложными или неполными. Отрицание этого базового убеждения приводит к потере осмысленности важнейших практик, в которые православные христиане включены. Таким образом, обоснование ПНП в данной системе дает ему статус универсально значимого *при условии истинности данной системы*. Разумеется, в цели данной работы не входит обоснование истинности системы убеждений православного христианства, что, исходя из описанной методологии, и невозможно сделать с помощью какого-либо текста. Задача указанных методологических соображений — очертить сферу необходимой (в системе базовых убеждений христиан) и возможной (при условии истинности этих убеждений) значимости обосновываемого принципа.

ЧТО ТАКОЕ ПОМЫСЕЛ?

В самом названии принципа, который мы будем обосновывать, идет речь о помыслах, и это само по себе может вызывать вопросы, поскольку далеко не все современные философы знакомы с употреблением слова «помысел».

В церковнославянском и русском синодальном переводе Библии множество весьма различных по своему значению греческих слов переводится одним и тем же словом «помысел». Ниже представлены 10 цитат из греческого перевода Ветхого Завета, в трех из них употреблено одно и то

¹¹Подход Витгенштейна позволяет выделять такие системы, так сам он обсуждает убеждения католиков (§239).

же слово βουλή, еще два содержат слово ἀποστροφή, по одному примеру употребления приходится на ἐπιτήδευμα, ἀσέβεια, ἔννοια, κατανόησις и λόγος.

- (1) «Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам (ἐν τοῖς ἐπιτηδέμασιν αὐτῶν)» (Пс. 80:13).
- (2) «...за то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их (τῆς ἐαυτῶν ἀσεβείας)» (Притч. 1:31).
- (3) «Помыслы в сердце (βουλή ἐν καρδίᾳ) человека — глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их» (Притч. 20:5).
- (4) «Ибо будет испытание помыслов (λόγων) нечестивого, и слова его взойдут к Господу в обличение беззаконий его» (Прем. 1:9).
- (5) «...он пред нами — обличение помыслов наших (ἐννοιῶν ἡμῶν)» (Прем. 2:14).
- (6) «Не возноси себя в помыслах души твоей (ἐν βουλῇ ψυχῆς σου), чтобы душа твоя не была растерзана, как вол» (Сир. 6:2).
- (7) «стыдись молчания пред приветствующими, смотрения на распутную женщину, отвращения лица от родственника, отнятия доли и дара, помысла (κατανοήσεως) на замужнюю женщину, ухаживания за своею служанкою» (Сир. 41:25-26)
- (8) «Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои (τὰς βουλὰς αὐτοῦ), и да обратится к Господу» (Ис. 55:7)
- (9) «Слушай, земля: вот, Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их (καρπὸν ἀποστροφῆς); ибо они слов Моих не слушали и закон Мой отвергли» (Иер. 6:19)
- (10) «Но они говорят: „не надейся; мы будем жить по своим помыслам (τῶν ἀποστροφῶν ἡμῶν)“ и будем поступать каждый по упорству злого своего сердца» (Иер. 18:12)

Разумеется, это лишь произвольная выборка примеров употребления, единственная цель которой проиллюстрировать для читателя многообразие смыслов, которые могут стоять за словом «помысел» в переводе. Если переводы ἀσέβεια, которое обозначает «нечестивость», ἐπιτήδευμα, которое в данном контексте скорее ближе к «привычке», а также ἀποστροφή, которое обозначает «отпадение», могут несколько сбить нас с толку разнородностью значений, то βουλή, ἔννοια, κατανόησις имеют нечто общее. Они непосредственно связаны с психической жизнью человека. На языке современной философии мы могли бы сказать, что все они обозначают некоторые ментальные состояния, желания, мысли, намерения. Λόγος в данном примере (4), скорее всего, обозначает слова в смысле речей.

Новый Завет дает нам еще два греческих слова *διαλογισμός* и *διάνοια*, которые непосредственно связаны с понятием «мысль»:

- (1) «ибо из сердца исходят злые помыслы (*διαλογισμοί*), убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15:19)
- (2) «Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы (*διαλογισμοί*), прелюбодеяния, любодеяния, убийства» (Мк. 7:21)
- (3) «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов (*τὰ θελήματα τῆς σαρκὸς καὶ τῶν διανοιῶν*), и были по природе чадами гнева, как и прочие, Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом...». (Еф. 2:1–5)

Из приведенных примеров следует, что в русской Библии словом «помысел» может переводиться множество весьма несходных по своему значению слов, однако достаточно часто слово помысел обозначает разного рода ментальные состояния.

Большую определенность понятие «помысел» приобретает в традиции православной аскетики. Соответствующим словом обычно переводятся греческие *λογισμός* или *διαλογισμός*¹². Переводя на язык современной философии сознания понятие помысла, мы могли бы сказать, что помысел обозначает ментальные состояния, включающие как пропозициональное содержание, так и не пропозициональное содержание. *Λογισμός*, однако, обозначает скорее пропозициональное содержание, нежели какие-либо чувственно воспринимаемые образы. Это соображение можно удостоверить на основе примеров, которые регулярно воспроизводятся в аскетической литературе: два человека увидели одно и то же событие, но в своем уме связали с ним совершенно различные помыслы. Приведем один пример из «Душеполезных поучений» преподобного Аввы Дорофея:

Положим, что кому-нибудь случилось стоять ночью на некотором месте, — не говорю, чтобы то был монах, но кто-нибудь из городских жителей. И вот мимо него идут три человека. Один думает о нем, что он ждет кого-нибудь, дабы пойти и соделать блуд; другой думает, что он вор; а третий думает, что

¹²См., например, у Василия Великого во второй главе *Constitutiones monasticae* (PG 31. 1417), у Нила Синайского в *De diversis malignis cogitationibus* (PG 79. 1199–1235).

он позвал из ближнего дому некоего друга своего и дожидается, чтобы вместе с ним пойти куда-нибудь в церковь помолиться. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако не составили о нем сии трое одного и того же помысла; но один подумал одно, другой другое, третий еще иное, и очевидно, что каждый сообразно со своим устроением (Авва Дорофей, Зедергольм, 2000: 82)

Переводя понятие помысла на язык натуралистического дискурса, можно также упомянуть понятие «автоматических мыслей» (automatic thoughts). Данный термин активно используется в рамках когнитивно-поведенческой терапии (cognitive-behavioral therapy). Среди ключевых характеристик автоматических мыслей следует выделить: (1) непроизвольность, ненамеренность, спонтанность; (2) обусловленность некоторыми триггерами, чаще всего конкретными событиями и ситуациями, в которых оказывается человек; (3) обусловленность правилами действия и базовыми убеждениями человека. Так у разных людей под воздействием одних и тех же обстоятельств будут спонтанно «возникать» в уме разные мысли, и разница между ними будет обусловлена базовыми убеждениями человека и правилами действий, которые у него имеются. Приведенный выше пример из «Душеполезных поучений» иллюстрирует эту мысль. В рамках когнитивно-поведенческой терапии работа с автоматическими мыслями является одним из средств коррекции нежелательных для пациента форм поведения.

Итак, термин помысел обозначает спонтанно возникающее ментальное состояние, в состав которого может входить (1) пропозиция; (2) образ, связанный с этой пропозицией. Однако слово «спонтанно» здесь может вводить в заблуждение, если понимать его в смысле отсутствия причины. Ключевое значение в контексте ПНП имеет тот факт, что помыслы имеют причины, а спонтанность в данном случае лишь указывает на отсутствие сознательных усилий человека в качестве таковых причин.

КАКИЕ УБЕЖДЕНИЯ ОБОСНОВЫВАЮТ ПНП?

Как было сказано выше, ПНП был почерпнут нами из традиции православной аскетики, значительная часть которой посвящена *борьбе* с помыслами. В основе этой традиции лежит весьма сложная система убеждений. Мы сосредоточимся на тех из них, которые непосредственно помогут раскрытию смысла и обоснованию значимости ПНП. Таковые убеждения касаются, прежде всего, возможных *причин* помыслов.

Преподобный авва Моисей указывает на три возможных источника помыслов:

...мы должны знать, что три начала наших помыслов: от Бога, от диавола и от нас. От Бога бывают, когда Он удостаивает нас посетить просвещением Святого Духа, возбуждая нас к высшему преуспеянию, и вразумляет нас спасительным сокрушением о том, что мы мало преуспели или, пребывая в беспечности, были побеждены чем-либо; или когда открывает нам небесные тайны, волю и намерение наше обращает к лучшим действиям [...] От диавола происходят помыслы, когда он старается низложить нас как услаждением пороков, так и тайными наветами, с тонкой хитростью ложно представляя зло под видом добра и преобразуясь перед нами в ангела света [...]. А от нас помыслы происходят, когда естественно воспоминаем то, что мы делаем, или сделали, или слышали [...] (Иоанн Кассиан, Екатеринбургский, 2000: 182–184).

Преподобный Петр Дамаскин также указывает на три источника:

Ибо все помыслы бывают трех устроений: человеческий, демонский и ангельский. Человеческий помысел бывает, когда взойдет на сердце простая мысль о каком-либо создании, например, (вспомнится) человек, золото или что-либо иное из чувственных творений. Демонский же помысел бывает сложный — из мысли и страсти. При (мысли о) человеке побуждает или к неразумной дружбе, то есть любви к другу, не ради Бога бывающей, или к плотскому греху, или опять к безрассудной ненависти, то есть злопамятности или порицанию кого-либо. При (мысли о) золоте, подобным же образом, побуждает к сребролюбию, или к похищению, грабежу, или к чему-либо такому, или к ненависти и хуле на дела Божии, чтобы тем или другим привести к погибели. [...] Ангельский же помысел есть бесстрастное видение вещей, то есть истинное знание, середина между обеими стремнинами, охраняющее ум и отделяющее правое намерение от окружающих его шести сетей дьявольских (Петр Дамаскин, Половцев, 1874: 103–104).

Преподобный Исаак Сирин, однако, указывает четыре возможные причины:

Движение помыслов в человеке бывает от четырех причин: во-первых, от естественной плотской похоти; во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзанятых понятий и от душевной склонности, какие человек имеет в уме; в-четвертых, от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам (Исаак Сирин, 1893: 23–24).

Суммируя приведенные цитаты, мы можем зафиксировать, что Преподобный авва Моисей и Преподобный Петр Дамаскин указывают в качестве источников помыслов: (1) самого человека; (2) Бога и его посланников (ангелов); (3) падших ангелов (бесов). Преподобный Исаак

Сирий дополнительно дифференцирует первую причину, выделяя в самом человеке три источника, которые могут быть причиной помыслов.

Определив возможные причины помыслов, следует коснуться тех базовых убеждений¹³, которые необходимо присутствуют в системе убеждений православного христианства и характеризуют указанные причины помыслов содержательно.

(А) Первой причиной помыслов может быть тело человека, плоть, включая механизмы познания, связанные с телесностью. Принципиальное значение для ПНП имеет христианское убеждение относительно греховной поврежденности человеческого тела во всех его аспектах. Согласно данному убеждению познавательные механизмы человека также оказались искажены в следствии грехопадения. Наша способность познавать мир, в отличие от Адама и Евы до грехопадения, сама по себе склонна приводить к формированию ложных убеждений.

Представление о том, что механизмы нашего познания несовершенны и могут приводить к систематическим ошибкам, не является чем-то специфическим для христианской картины мира. Специфичным является только представление о *причинах* этой поврежденности — грехопадении. Концепция «идолов рода», ошибок познания, проистекающих из самой природы человека, присутствует и в других системах убеждений. В последние годы она активно разрабатывается под рубрикой когнитивных искажений (cognitive biases).

(Б) Второе убеждение касается не телесных механизмов познания, но существования в человеке конкретных качеств характера, диспозиций к определенному поведению, хотя эти диспозиции также могут влиять на механизмы познания. В частности, речь идет о существовании страстей души. В православной аскетике слово «страсть» представляет собой *terminus technicus*. Переводя его на язык современной философской психологии, мы могли бы с осторожностью описать страсть как наличную в структуре личности¹⁴ конкретного человека устойчивую диспозицию (склонность) к совершению морально порочных действий.

¹³Таким образом, мы утверждаем, что ниже перечисленные убеждения являются основой картины мира православного христианства и без этих убеждений она невозможна.

¹⁴Личность здесь понимается как совокупность диспозиционных свойств. Диспозициональное свойство обозначает тенденцию объекта к определенным изменениям в определенных условиях. Классический пример диспозиционального свойства – растворимость. В случае со страстями таким свойством может быть, например, гневливость – тенденция проявлять гнев в определенных обстоятельствах, например, стресса, неопределенности, спешки и т.п. Подробнее о диспозициональных свойствах см.: Choi, 2018.

В контексте ПНП это означает, что помыслы могут иметь в качестве вероятных причин страсти. Традиционно в православной аскетике выделяется восемь основных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Каждая из этих страстей является своего рода генератором помыслов. Принятие этих помыслов ведет к поступкам, которые дополнительно укрепляют страсть, и, в конечном счете, ведут к порабощению человека этой страстью. Порабощение можно описать как детерминацию поведения человека страстью независимо от его воли. Так порабощенный страстью человек может не желать делать то, что делает.

Представление о том, что человеческая личность может включать в себя дисфункциональные черты, ведущие к дурным поступкам и страданиям, не является специфичной особенностью христианской антропологии и не требует особых пояснений. Такого рода состояния могут быть описаны, например, с помощью иерархических теорий действия, разработанных в современной аналитической философии (Frankfurt, 1971; Watson, 1975). Так, в теории свободного действия Г. Франкфурта (Frankfurt, 1971) выделяются два типа желаний: желания что-либо сделать (желания первого уровня) и желания относительно желаний что-либо сделать (желания второго уровня). Свободным индивидом полагается тот, у кого желания второго уровня определяют то, какие желания первого уровня реализуются на практике, станут волей. Человек в состоянии порабощения страстью не способен контролировать свои желания первого уровня: они направляют поведение, независимо от желаний следовать этим желаниям. Если добавить к иерархическим теориям понятие диспозиции, то причину неконтролируемых желаний можно охарактеризовать как диспозицию. Например, если человек страдает чревобесием (*γαστρίαρυία*), то причиной неконтролируемого желания есть будет диспозиция, соответствующая данной страсти.

(В) Более нетривиальным и весьма странным для натуралистической картины мира является третье убеждение: существуют злые духи, падшие ангелы, бесы. Эти существа постоянно стремятся манипулировать нашими действиями посредством инициации разного рода помыслов. Проиллюстрировать возможность такой манипуляции можно с помощью другой теории, популярной в современной аналитической философии, а именно каузальной теории действия¹⁵. Допустим, причиной действия

¹⁵Согласно каузальной теории действия, действия — это такие события, причинами которых являются основания агента в пользу данных действий. Под основаниями обычно

являются желания и убеждения. Направляя в сознание человека различные чувственные образы и пропозициональные содержания (помыслы), бесы могут влиять как на формирование желаний (через образы объектов желаний), так и на формирование убеждений (через пропозиции). Сформированные в результате манипуляций основания в пользу действий (желание и убеждение) становятся причиной действия. Соответственно, влияя на мысли, бесы могут влиять и на действия.

Данная угроза особенно значима в связи с тем, что, согласно православной демонологии, бесы являются бессмертными существами, возраст которых примерно равен возрасту всего творения. Падение ангелов совершилось до падения человека, который пал в результате искушения падшим ангелом. Соответственно, бесы обладают огромным эмпирическим опытом влияния на людей и имели возможность апробировать множество «технологий», позволяющих успешно манипулировать человеческим поведением. Кроме того, бесы обладают превосходящим человеческие способности интеллектом, не нуждаются в пище и сне, не имеют иных задач помимо манипуляций людьми с целью погубить их. Таким образом, в рамках христианской системы убеждений бесы представляют реальную угрозу и могут действительно влиять на поведение человека. Особенно уязвимы в этом отношении люди, считающие, что бесов не существует.

Разумеется, в рамках натуралистического мировоззрения возможность такой манипуляции может показать совершенно абсурдной, а использование каузальной теории действия неуместной. Убеждение в существовании злых духов весьма трудно перевести на язык натуралистического мировоззрения. Очень приблизительное понимание могут дать примеры разнообразных скрытых манипуляций, с которыми сталкивается современный человек. Прежде всего, скрытые манипуляции

имеются в виду ментальные состояния, соответствующие желаниями, убеждениям и намерениям агента. Основания в пользу действия выполняют две взаимосвязанные функции: (а) причинное объяснение действия; (б) рациональное объяснение действия. (А) В качестве причин основания позволяет описать закон природы, который объясняет событие действия. Данный закон будет подводить событие оснований и событие действия под такие типы событий, что за событиями типа оснований, согласно данному закону, всегда будут следовать события типа действий. (Б) В качестве мотивов основания позволяют сконструировать рациональное объяснение того, почему человек совершил некоторое действие. Данное объяснение будет включать (1) описание желания, (2) описание убеждения о том, какое действие позволит реализовать данное желание, и (3) описание самого действия. (1) и (2) в такой схеме объясняют, почему агент совершил действие (3). В аналитической философии данная теория была популяризирована Д. Дэвидсоном (Davidson, 1963).

используются в маркетинге и рекламе, но также и в политике, и даже в образовании. Человек постоянно сталкивается со множеством целенаправленно сконструированных стимулов, которые имеют целью побудить его совершить тот или иной поступок. Эти стимулы разрабатываются на основе научных исследований и активно эксплуатируют особенности человеческой психики. Бесы в некотором смысле являются маркетологами и рекламными агентами греха, которые постоянно пытаются «продать» его человеку. Однако их реклама гораздо точнее, она идеально «таргетирована», привязана к конкретному покупателю, поскольку эти манипуляторы работают не «по площадям», а с конкретным индивидом, зная всю его историю жизни, особенности характера, т. е. диспозиционные свойства. Кроме того, если реклама использует, прежде всего, органы чувств, то бесы воздействуют непосредственно на сознание человека, хотя могут также и вызывать разного рода видения.

(Г) Последнее по порядку, но первое по значимости убеждение касается существования Бога и его духовных посланников (ангелов), которые также могут служить причиной помыслов. Ключевое значение здесь имеет представление о том, что Бог не стремится манипулировать человеком, каким-либо образом лишить его свободы воли, скрытно навязав мысли или действия. Помыслы от Бога могут прийти в силу согласия и стремления к ним, которое выражается, прежде всего, в молитвенной практике, в которой человек непрестанно просит Бога о помощи в исправлении собственного образа мыслей и воли.

В качестве аналогии для данного убеждения в секулярной картине мира мы могли бы привести определенное понимание образования и науки. Научное мировоззрение, научный образ мысли и образование не могут сформироваться без сознательных усилий человека, труда и включенности его в сообщество ученых, которые обучают его соответствующим практикам, а также без доверия этому сообществу, которое должно присутствовать у человека *до* возможности удостовериться научное знание в собственной практике. Включение в данное сообщество происходит не посредством насилия, но требует долгого и упорного труда. Никто не может заставить человека стать ученым и думать, как ученый, равно как и никто не может заставить человека молиться и приобрести тот образ мыслей и сами мысли, которые имеют своим источником Бога. С другой стороны, никто не может заставить Бога стать причиной помыслов человека.

В контексте ПНП принципиально важно то, что причина помысла *всецело* определяет то, насколько морально оправданно ему следовать. Никогда не оправданно следовать страстям или внушению бесов. В Евангелиях бесы высказывают *исключительно* истинные суждения, но Христос всегда приказывает им молчать (см., например, Лк. 4:41). Следовать продуктам собственных механизмов познания можно с осторожностью, поскольку эти механизмы повреждены грехом. Следовать помыслам со стороны Бога и ангелов достойно и хорошо, однако, как пишет святитель Игнатий Брянчанинов:

Бог не прогневается на того, кто опасаясь прелести, с крайней осмотрительностью наблюдает за собою, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всею тщательностью; напротив того, Бог похвалит такого за его благоразумие (Брянчанинов, 2012: 91).

Из сказанного ясно, что при оценке помысла ключевое значение имеет не его истинность, но его причина. Соответственно, принципы, регулирующие отношение к помыслам, зависят от способности человека различать причины этих помыслов. Различение помыслов представляет особое искусство, которое обретается, прежде всего, практикой. Началом этой практики, однако, является послушание. Начиная свою духовную жизнь человек никогда не умеет различать помыслы. Напротив, у опытных «чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5:14). Проиллюстрировать значимость данного принципа можно еще одним примером из «Душеполезных поучений»:

Когда я был в общежитии, я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда, как сказал, не решался сделать что-либо без его совета. И иногда говорил мне помысл: «Не то же ли самое скажет тебе Старец? зачем ты хочешь беспокоить его?» А я отвечал помыслу: «Анафема тебе и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему; ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов». И так я шел и вопрошал Старца. И случилось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысл говорил мне: «Ну что же? Видишь, это то самое, что я говорил тебе: не напрасно ли беспокоил ты Старца?» И я отвечал помыслу: «Теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святого; твое же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного устройства души» (Авва Дорофей, Зедергольм, 2000: 37–38).

ЗНАЧИМОСТЬ ПНП

Опираясь на вышеизложенное, мы можем перейти к обоснованию значимости ПНП в системе убеждений православного христианства.

Согласно каузальной теории действия, причинами действия и одновременно основаниями его совершить являются установки в пользу действия (прежде всего, желания) и убеждения. Желания и убеждения, в свою очередь, также имеют причины. Описанная выше система убеждений предполагает, что причина основания в пользу действия имеет принципиальное значение для оценки морального значения данного основания, а, следовательно, и действия, которое будет совершено в силу данных оснований.

Далее, исходя из выше описанного, мы можем зафиксировать, что, в рамках интересующей нас системы убеждений, каждый человек (за одним исключением) имеет некоторую тенденцию к совершению порочных действий, во-первых, в силу первородного греха, во-вторых, в силу наличия страстей у конкретного индивида, в-третьих, в силу деятельности бесов, которые стремятся побудить его к этим действиям. Все эти причины могут стать источником помыслов. Человек, ведущий духовную жизнь, имеет хотя бы некоторое представление о множестве имеющихся у него порочных диспозиций. Если он желает бороться с этими дурными склонностями ему разумно бороться не только с самими действиями, но и с причинами этих действий. В этом состоит одно из значений примеров, которые приводит Христос в Евангелии: «Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:22); «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28). Предметом борьбы в данных случаях является гнев и вожделение, а не последствия гнева и вожделения.

При этом идентификация причин того или иного основания в пользу действия весьма затруднена. Тем не менее, если у агента есть основания считать, что некоторый помысел приведет его к морально порочному поступку, у него есть достаточное основание считать, что этот помысел имеет в качестве свой причины греховную природу, страсть или злых духов. Следовательно, у него есть достаточное основание отвергнуть этот помысел и не приступать к его оценке или оценке свидетельств в пользу его истинности. Поскольку в рамках христианского мировоззрения некоторые поступки очевидно обозначены как порочные (например, поклонение идолам, прелюбодеяние, рукоблудие, мужеложество, воровство, взяточничество и ростовщичество (лихоимство), пьянство, злословие), если помысел указывает на средство совершения такого поступка или каким-либо образом оправдывает его совершение, причиной такого помысла не может быть Бог, поскольку Бог не искушает

никого (Иак. 1:13). При этом соответствующий помысел может быть истинен в смысле соответствия действительности. Он может указать действительное средство для достижения некоторой цели, или свидетельствовать в пользу существования объекта желания, который действительно существует и т. д. Однако истинность помысла в данном случае не упраздняет тот факт, что, как потенциальная причина действия, он приведет к порочному действию. Напротив, если бы человек не сформировал соответствующее убеждение, если бы он отмахнулся от самой мысли, то он тем самым не сформировал бы достаточную причину совершения порочного поступка, соответственно, не совершил бы его. Таким образом, игнорирование мыслей может способом воздержания от зла.

Отметим, что эпистемическая оценка, изучение свидетельств в пользу истинности убеждений, ведущих к порочным действиям, представляется не очень перспективной стратегией борьбы со страстями и бесами, поскольку, как было указано выше, страсти и бесы могут паразитировать и на истинных убеждениях. Таким образом, удостоверение истинности и принятие убеждения в качестве истинного скорее приведет к морально порочному поступку, нежели его игнорирование. Напротив, ПНП представляет собой практический принцип, который позволяет человеку, не втягиваться в то, что называется в православной аскетике «собеседованием» с помыслом. ПНП позволяет отвергнуть помысел с порога понимания (прилога), если человек имеет свидетельства, что этот помысел ведет к греху.

Абсолютизация эпистемической оценки помысла как универсального принципа обращения с мыслями вообще может быть поставлена под сомнение в рамках рассматриваемой системы убеждений. Во-первых, когнитивные механизмы человека сами по себе деффе́ктивны. Во-вторых, у него есть склонности, которые искажают восприятие мира и оценку свидетельств. Наконец, в-третьих, имеют место злонамеренные агенты, которые систематически стремятся эксплуатировать первое и второе обстоятельство с целью манипуляции поведением человека. В силу своих интеллектуальных способностей, опыта и знания всех деталей жизни человека бесы вполне способны подбирать те мысли, которые не просто покажутся человеку истинными, но и неизбежно приведут его к аморальному поступку. В данном контексте примат эпистемических норм в обращении с мыслями становится очевидно опасен.

Значимость ПНП можно дополнительно прояснить, сопоставив его с упомянутым в начале работы принципом, сформулированным Питером ван Инвагеном:

Всегда, везде и для всех ошибочно игнорировать свидетельства, которые значимы для принятия убеждений или логически отвергать такие свидетельства (Van Inwagen, 1996: 145, перевод мой. — А. М.).

Данный принцип, очевидно, входит в противоречие с ПНП, и, с нашей точки зрения, он ошибочен в рамках описанной выше системы убеждений. Если некоторая мысль опознается как ведущая к порочному действию, человек может отвергнуть ее и не совершить тем самым ничего предосудительного. Так, человек, знающий за собой дурные склонности, должен игнорировать те мысли, которые будут способствовать реализации этих склонностей, независимо от того, являются ли они свидетельствами в пользу некоторых убеждений или нет, являются ли эти мысли соответствующими действительности или нет.

Отметим, что ПНП не ведет к тотальному отказу от познания или скептицизму¹⁶. В его формулировке имеется конкретное ограничение на возможность игнорировать помыслы, поскольку для этого требуется наличие у человека свидетельств, что данный помысел, с учетом имеющихся диспозиций, или с учетом того, с какими действиями он связан, приведет к морально порочному действию. Такое знание может иметься у человека постольку, поскольку он знает о своем характере, личности, желаниях, соответственно, он может заметить, на какие поступки его толкают определенного рода мысли.

Приведем примеры. Если человек склонен к сребролюбию и осуждению, ему не стоит оценивать свидетельства в пользу того, что кто-то коррупционными средствами нажил капиталы. Это с большой вероятностью повредит ему, в частности, усугубит страсти осуждения и сребролюбия. Если некоторый человек склонен гневаться, ему не следует оценивать свидетельства в пользу того, что кто-то где-то был очень

¹⁶Здесь стоит отметить, что интерпретация ПНП в духе полного отказа от эпистемической оценки представляет собой попытку сделать из данного принципа соломенное чучело. В основе такого понимания, с нашей точки зрения, лежит абсолютизация достоинств эпистемической оценки, всякое ограничение которой рассматривается как упразднение эпистемической оценки вообще. Между тем, ПНП утверждает лишь возможность игнорирования свидетельств, но не утверждает необходимость этого делать. Напротив, оппонент ПНП, который ложно интерпретирует его в духе полного запрета, *ошибочно*, с нашей точки зрения, утверждает абсолютную необходимость эпистемической оценки, которая выражена в принципе, сформулированном Ван Инвагеном.

несправедлив к нему, поскольку эта оценка, особенно, если кто-то действительно был несправедлив, может с большой вероятностью привести его к гневу и т.п.

Наконец, хотелось бы указать на некоторое эпистемологическое достоинство, которое имеет ПНП в рамках христианского мировоззрения, хотя он и не является собственно принципом познания, не является эпистемической нормой. Это достоинство прямо зависит от убеждений, относительно существования и природы Бога. Конечная цель познания в системе убеждений православного христианства — познание Бога. Поскольку Бог обладает свободой, находится вне тварного мира и никак не ограничен его законами, нельзя принудить Бога к тому, чтобы быть познанным. Человек никогда не сможет найти достаточных оснований бытия Бога, если Бог не пожелает, чтобы он их нашел. Обратное предполагало бы, что у человека есть некоторый контроль над Богом, а именно способность с необходимостью обнаружить Бога для себя. ПНП позволяет человеку освободить свое сознание от разного рода «мысленного мусора», защитить себя от возможных манипуляций, но он не гарантирует обнаружение истины. Обнаружение Истины в данном случае зависит от воли самой Истины, которая желает или не желает обнаружить себя. Между тем, ПНП открывает пространство для этой истины, освобождая человека от порабощения страстями и манипуляций со стороны бесов. Такой подход к Богопознанию представляется более оправданным, нежели попытка найти Бога без участия Бога, в частности, через обнаружение некоторых свидетельств в пользу его существования.

Таким образом, в рамках христианской системы убеждений ПНП является действенным практическим средством преодоления дурных наклонностей человека и защитой от манипуляций со стороны злых духов посредством сознательного контроля над спонтанно возникающими в сознании мыслями. Полезность принципа аналогичного ПНП можно показать и в рамках натуралистического мировоззрения. Не требуется верить в Бога или существование бесов, чтобы считать некоторые черты характера дурными, а свой разум ограниченным, чтобы заметить, как определенные автоматические мысли сказываются на поведении, независимо от их истинности. Так, склонный к гневу человек может заметить, что в ситуации стресса ему «лезут» в голову одни и те же мысли, которые, несмотря на свою возможную истинность, ведут к такому поведению, которое он считает дурным и хотел бы избежать

любой ценой. Соответственно, целенаправленный отказ от рассмотрения этих мыслей может быть инструментом коррекции нежелательного поведения. Данных убеждений уже достаточно для того, чтобы поставить вопрос о моральной оправданности эпистемической оценки всегда и везде. Однако в христианской системе убеждений ситуация выглядит намного радикальнее, поскольку, во-первых, на кону вечная жизнь, во-вторых, есть действительные силы зла, которые постоянно стремятся погубить человека. Радикальность этой ситуации мы постараемся проиллюстрировать в нижеследующем мысленном эксперименте.

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРО НЕЙРОУЧЕНЫХ

Представим себе, что некоторый человек, по имени Фома, знает, что все мысли, возникающие в его сознании, могут происходить только от трех возможных причин, причем каждая из этих причин действует самостоятельно и не соединяется в своем действии с другими.

Первая причина — злые (как обычно) нейроученые, которые отлично изучили Фому и ему подобных. Они посылают в сознание Фомы те мысли, которые, с учетом имеющихся у Фомы убеждений и склонностей, могут ввести его в заблуждение, побудить к дурным поступкам, культивировать имеющиеся у Фомы дурные привычки. Стоит отметить, что злые нейроученые необязательно отправляют в сознание Фомы ложные мысли. Они могут послать ему истинную мысль, однако та, соединившись с имеющимися у Фомы заблуждениями и пороками, приведет к ошибочным выводам или дурным поступкам. Равным образом они могут запустить в ум Фомы «серию» из нескольких истинных и ложных мыслей, чтобы сбить его с толку и добиться желаемого. Главная цель этих манипуляторов — испортить жизнь Фоме.

Вторая причина — собственно Фома. Для нас не принципиален вопрос о том, тождественно ли сознание телу Фомы. Важно то, что некоторые мысли обусловлены физической и психической конституцией самого Фомы. Эти мысли могут быть как истинными, так и ложными, они могут как направлять Фому на совершение чего-то хорошего, так и к чему-то плохому.

Третья причина — хорошие нейроученые, вся задача которых состоит в том, чтобы избавить Фому от власти злых нейроученых. Хорошие нейроученые очень этичны и ничего не делают без полного и чистосердечного согласия человека (о наличии такого согласия они могут судить, наблюдая за мозгом). Кроме того, они ограничивают возможности злых

нейроученых, блокируя им непосредственный контроль над поведением человека. Злые нейроученые могут манипулировать человеком, только отправляя ему некоторые мысли; принятие или отказ от этих мыслей, следование им на практике или игнорирование, зависит от человека, если, конечно, человек сам не решит отдать себя в полную власть злым нейроученым и стать их марионеткой.

Ключевая трудность в ситуации Фомы заключается в том, что он не может надежно определить, какова причина той или иной мысли. Вопрос, который ставит данный мысленный эксперимент, можно сформулировать очень просто: что делать Фоме как рациональному индивиду, стремящемуся освободиться от власти злых нейроученых, которые изо всех сил ведут его к гибели?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поставленный вопрос имеет несколько риторический характер. Конечно, исходя из описанных условий, Фоме стоит стремиться к достижению чистосердечного согласия на помощь добрых нейроученых. Однако продолжая этот метафорический ряд, мы могли бы добавить, что достижение этого согласия представляет собой не некоторый сиюминутный акт, а долгую и рискованную работу, которая предстоит желающему освободиться от власти злых нейроученых.

Цель статьи, однако, касалась не только и не столько обоснования значимости ПНП в рамках натуралистического мировоззрения, сколько анализа его места в системе убеждений православного христианства. К сожалению, представленный анализ имеет достаточно поверхностный характер, поскольку более глубокий подход требовал бы более глубокого опыта, которого у автора не имеется. Тем не менее, мы надеемся, что в результате такого рода перевода с языка православной аскетики на язык аналитической философии идея о недоверии помыслам станет яснее если не самим носителям этой системы убеждений, то носителям соответствующего философского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

- PG 31 *Basilius Magnus*. S. P. N. Basili opera omnia quae exstant. Partie 3 / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Fratres, 1857. — (Patrologia Graeca ; 31).
- PG 79 *Nilus Abbas*. S. P. N. Nili abbatis opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Fratres, 1865. — (Patrologia Graeca ; 79).

ИСТОЧНИКИ

- Авва Дорофей.* Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка / пер. с греч. К. К. Зедергольма, И. Половцева, Л. Кавелина. — М. : Отчий дом, 2000.
- Дамаскин П.* Творения. В 2 т. Т. 1 / пер. с греч. И. А. Половцева. — М. : В. Готье, 1874.
- Исаак Сирин.* Творения / пер. с сирийского С. Соболевского. — Сергиев Посад, 1893.
- Писания / пер. с лат. П. Екатериновского // Сокровищница духовной мудрости : выписки из творений святых отцов, располож. в соответствии с годовым кругом еванг. чтений / под ред. М. Нейгума. — Сергиев Посад : Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

- Брянчанинов И.* Аскетические опыты. В 2 т. Т. 1. — М. : Сибирская благовозвонница, 2012.
- Витгенштейн Л.* О достоверности / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 т. Т. 1 / сост. М. С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994. — С. 321–411.
- Мур Д.* Доказательство внешнего мира / пер. с англ. И. В. Борисовой, А. Л. Золкина, А. А. Яковлева // Аналитическая философия : избранные тексты / под ред., предисл. А. Ф. Грязнова. — М. : Издательство МГУ, 1993. — С. 66–84.
- Choi S.* Dispositions / Metaphysics Research Lab, Stanford University ; ed. by E. N. Zalta. — 2018. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/dispositions/> (visited on Dec. 22, 2018).
- Clifford W. K.* The Ethics of Belief // Contemporary Review. — 1877. — Vol. 29. — P. 289–309.
- Davidson D.* Reasons, Causes and Actions // The Journal of Philosophy. — 1963. — Vol. 60, no. 23. — P. 685–700.
- Frankfurt H.* Freedom of the Will and the Concept of a Person // The Journal of Philosophy. — 1971. — Vol. 68, no. 1. — P. 5–20.
- Van Inwagen P.* It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence // Faith, Freedom and Rationality / ed. by J. Jordan, D. Howard-Snyder. — Lanham (MD) : Rowman, Littlefield, 1996. — P. 137–153.
- Watson G.* Free Agency // The Journal of Philosophy. — 1975. — Vol. 72, no. 8. — P. 205–220.

Mishura, A. S. 2019. "Printsip nedoveriya pomyslam [The Principle of Distrust to Thoughts]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (3), 243–267.

ALEKSANDR MISHURA

PHD IN PHILOSOPHY; LECTURER,

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

THE PRINCIPLE OF DISTRUST TO THOUGHTS

Abstract: This article examines and defends the principle of distrust to thoughts (pomysly). According to this principle, it is morally justifiable for the agent to ignore any evidence for some belief if he has sufficient evidence that this belief will cause him to act in a morally wrong way. To justify this principle I employ a number of ideas developed in Wittgenstein's "On certainty". In the first section, I sketch the account of knowledge and belief from "On Certainty" and narrow the scope of my defense of the principle of distrust to the particular system of beliefs, namely the beliefs of Orthodox Christianity. In the second section, I show a variety of senses of the word "pomysel" in Synodal Bible Translation and explain the relevant sense of "pomysel" using the vocabulary of analytic philosophy. In the third section, I discuss a number of basic beliefs of Orthodox Christianity that substantiate the principle of distrust: the belief in God and his angels, the belief in original sin, the belief in the existence of passions in the human soul, the belief on the existence of evil demons that try to manipulate the agent by generating thoughts in his consciousness. These beliefs are discussed and explained in the context of the principle of distrust. In the fourth section, I defend the principle of distrust and show its superiority to the other Clifford's principle formulated by P. van Inwagen. Finally, in the fifth section, I provide a reader with a brief thought experiment involving good and evil neuroscientists in order to illustrate the meaning of the principle of distrust in naturalistic system of beliefs.

Keywords: Ethics of Belief, Belief, Epistemology, Ethics, Orthodox Christianity, Disbelief.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.

REFERENCES

- Avva Dorofey [Dorotheus of Gaza]. 2000. *Dushepoleznyye poucheniya i poslaniya s prisovokupleniyem voprosov yego i otvetov na onyye Varsanufiya Velikogo i Ioanna Proroka [Spiritual Instructions and Epistles]* [in Russian]. Trans. from the Greek by K. K. Zeder-gol'm, I. Polovtsev, and L. Kavelin. Moskva [Moscow]: Otchiy dom.
- Basilus Magnus. 1857. *S. P. N. Basilii opera omnia quae exstant* [in Greek]. Ed. by J.-P. Migne. Bk. 3. Patrologia Graeca 31. Paris: Garnier Fratres.
- Bryanchaninov, I. [in Russian]. Vol. 1 of *Asketicheskiye opyty*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Sibirskaya blagozvonnitsa.
- Choi, S. 2018. "Dispositions." Metaphysics Research Lab, Stanford University. Accessed Dec. 22, 2018. <https://plato.stanford.edu/entries/dispositions/>.
- Clifford, W. K. 1877. "The Ethics of Belief." *Contemporary Review* 29:289–309.
- Davidson, D. 1963. "Reasons, Causes and Actions." *The Journal of Philosophy* 60 (23): 685–700.
- Frankfurt, H. 1971. "Freedom of the Will and the Concept of a Person." *The Journal of Philosophy* 68 (1): 5–20.

- Isaak Sirin. 1893. *Tvoreniya [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the Syriac by S. So-bolevskiy. Sergiyev Posad.
- Moore, G. 1993. "Dokazatel'stvo vneshnego mira [Proof of an External World]" [in Russian]. In *Analiticheskaya filosofiya [Analytic Philosophy] : izbrannyye teksty [Selected Works]*, ed., with a forew., by A. F. Gryaznov, trans. from the English by I. V. Borisova, A. L. Zolkin, and A. A. Yakovlev, 66–84. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo MGU.
- Neygum, M., ed. 2000. *Pisaniya [Works]* [in Russian]. In *Sokrovishchnitsa dukhovnoy mudrosti [Spiritual Sapience Treasury] : vypiski iz tvoreniy svyatykh ottsov, raspolozh. v sootvet-stvii s godovym krugom yevang. chteniy [Excerpts from Saint Fathers' Writings]*, trans. from the Latin by P. Yekaterinovskiy. Sergiyev Posad: Svyato-Troits. Sergiyeva Lavra.
- Nilus Abbas. 1865. *S. P. N. Nili abbatis opera quae reperiri potuerunt omnia* [in Greek]. Ed. by J.-P. Migne. Patrologia Graeca 79. Paris: Garnier Freres.
- Petr Damaskin [Peter of Damascus]. 1874. [in Russian]. Vol. 1 of *Tvoreniya [Selected Works]*, trans. from the Greek by I. A. Polovtsev. 2 vols. Moskva [Moscow]: V. Got'ye.
- Van Inwagen, P. 1996. "It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence." In *Faith, Freedom and Rationality*, ed. by J. Jordan and D. Howard-Snyder, 137–153. Lanham (MD): Rowman / Littlefield.
- Vitgenshteyn, L. [Wittgenstein, L.] 1994. *O dostovernosti [Über Gewißheit]* [in Russian]. In vol. 1 of *Filosofskiye raboty [Philosophical Works]*, comp. M. S. Kozlova, trans. from the German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseyev, 321–411. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- Watson, G. 1975. "Free Agency." *The Journal of Philosophy* 72 (8): 205–220.